

Лайонел Роббинс

ПРЕДМЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Lionel Robbins. The Subject-Matter of Economics.

In: L.Robbins. An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. 2nd ed. London: Macmillan, 1935, ch.1, p.1-23.

© Macmillan and Co., Ltd., 1935

Перевод к.э.н. В.С.Автономова

1. ВВЕДЕНИЕ

Цель этого эссе – изложить наши представления о природе и значении экономической науки. Следовательно, наша первая задача состоит в том, чтобы определить границы ее предмета, то есть сформулировать рабочее определение этой отрасли знания.

К сожалению, задача эта не так проста, как кажется на первый взгляд. Усилия экономистов за последние полтора столетия породили систему общих положений, правильность и важность которых может поставить под сомнение только невежда или упрямец. Однако единой точки зрения относительно сущности предмета всех этих обобщений не существует. В центральных главах всех трактатов по экономической теории с незначительными разночтениями излагаются одни и те же основные принципы этой науки. Но во вступительных главах, поясняющих предмет исследования, мы можем заметить значительные расхождения. Все мы говорим об одном и том же, но до сих пор не решили, о чем именно¹.

Однако удивляться этому или укорять экономистов не стоит. Как отметил сто лет назад Милль, определение науки почти всегда не предшествует ее созданию, а следует за ним. «Подобно городской стене,

¹ Чтобы читатель не подумал, что я преувеличиваю, приведу несколько типичных определений. Ограничусь при этом англосаксонской литературой, поскольку, как будет показано ниже в других странах дела обстоят лучше. «Экономическая наука занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния» (Маршалл, с.56). «Экономическая наука – это наука, рассматривающая явления с точки зрения цены» (Davenport, p.25). «Цель политической экономии – выяснить, каковы общие причины, от которых зависит материальное благосостояние людей» (Cannan-2, p.1). «Определение экономической науки как науки о материальной стороне человеческого благосостояния слишком широко. [Экономическая наука – это] исследование общих способов сотрудничества людей с целью удовлетворения своих материальных потребностей» (Beveridge, p.3). Согласно профессору Пигу, экономическая наука исследует экономическое благосостояние, которое, в свою очередь, определяется как «сфера благосостояния, где можно прямо или косвенно приписать денежную шкалу измерения» (Пигу, с.73–74). В дальнейшем мы увидим, какое значение имеют эти различия в определениях.

оно, как правило, возводится не для того, чтобы окружить здания, которые будут построены впоследствии, а для того, чтобы огородить нечто, уже существующее» (Mill, p.120). Действительно, из самой природы науки вытекает, что определить ее предмет невозможно до тех пор, пока она не достигла определенной стадии развития. Единый предмет науки можно определить лишь тогда, когда обнаружилось единство тех проблем, которые она в состоянии решить, а для этого, в свою очередь, необходимо установить взаимосвязь ее основных объясняющих принципов². Современная экономическая наука возникла на базе практических и философских исследований в различных областях: от изучения торгового баланса до дискуссий о законности взимания процента (Cannan-3, p.1–35; Schumpeter-1, S.21–38). Лишь сравнительно недавно экономическая наука стала достаточно единой, чтобы обнаружить идентичность проблем, изучаемых этими различными направлениями исследований. На более ранних стадиях любая попытка определить ее сущность была обречена на неудачу и являлась лишь напрасной тратой времени.

Однако как только наука становится единым целым, к напрасной трате времени ведет уже отказ от определения ее предмета. Дальнейшее развитие возможно лишь в случае, если ясно определена его цель. Выбор проблем не может более определяться наивной рефлексией. Он диктуется имеющимися в единой теории пробелами, несовершенством объясняющих принципов. Не осознав, в чем заключается это единство, легко пойти по ложному следу. Несомненно, одна из главных опасностей, подстерегающих современных экономистов, заключается в том, что они очень часто занимаются вещами, не имеющими отношения к решению основных проблем своей науки. Столь же несомненно, что исследование центральных теоретических проблем гораздо быстрее продвигается там, где ставятся и решаются вопросы о предмете науки. Кроме того, если мы хотим плодотворно применять нашу теорию и правильно понимать, в каких отношениях она находится с экономической практикой, нам совершенно необходимо знать, в какой области и при каких ограничениях действуют теоретические положения. Следовательно, мы можем с легким сердцем приступить к решению проблемы, которая на первый взгляд кажется чисто академической, – к определению общего предмета экономической науки.

2. «МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ» ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Наиболее популярные (по крайней мере, в англоязычных странах) определения экономической науки связывают ее с изучением причин материального благосостояния. Это можно сказать об определениях Э.Кэннана (Cannan-5, p.17), А.Маршалла (Маршалл, с.56) и даже В.Парето (Pareto, p.6), подход которого во многих отношениях отличается от

² «В основе деления наук лежат не “фактические” связи “вещей”, а “мысленные” связи проблем» (Вебер, с.364).

подхода обоих английских экономистов. Такой же смысл имеет и определение Дж.Б.Кларка (Clark-1, p.5)³.

Надо признать, что это определение, на первый взгляд, представляется вполне практичным. В обыденном словоупотреблении слова «экономический» и «материальный» действительно используются как синонимы. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что значат для обывателя такие выражения, как «экономическая история» или «конфликт между экономическими и политическими интересами». Разумеется, некоторые проблемы, которые, очевидно, относятся к предмету экономических исследований, не подходят под это определение, но, на первый взгляд, кажется, что речь идет об исключениях, предельных случаях, учесть которые не удастся при любом определении.

Однако главным критерием правильности такого определения является не его соответствие некоторым аспектам обыденного словоупотребления, а способность точно описать предмет основных обобщений данной науки⁴.

Проверяя данное определение по этому критерию, мы обнаруживаем в нем недостатки, которые никак не назовешь незначительными и второстепенными. Напротив, этих недостатков вполне достаточно, чтобы сделать вывод о том, что оно не отражает ни предмет, ни истинное значение основных положений экономической науки.

Давайте выберем любой раздел экономической теории и проверим, насколько его содержание покрывается приведенным выше определением. Например, теория заработной платы бесспорно является неотъемлемой частью любой системы экономического анализа. Можем ли мы согласиться с тем, что явления, которые она изучает, относятся к «более материальной» части человеческого благосостояния?

Заработная плата, строго говоря, – это денежная сумма, полученная за труд под руководством нанимателя по заранее обусловленной ставке. В более широком смысле, в котором этот термин часто употребляется в экономическом анализе, он обозначает трудовой доход, отличающийся от прибыли. Конечно, некоторые виды заработной платы представляют собой цену труда, увеличивающего материальное благосостояние. Но столь же бесспорно, что другие виды зарплаты, напри-

³ См. также (Clark-2, ch.I). В этой главе Кларк признает наличие трудностей, которые мы обсудим ниже, но неожиданно вместо того, чтобы отвергнуть данное определение, пытается выйти из положения, изменив значение слова «материальный».

⁴ В этой связи, видимо, стоит разъяснить одно недоразумение, часто встречающееся в дискуссиях о терминологии. Нередко утверждают, что научные определения понятий, употребляемых как в обыденной речи, так и в научном анализе, не должны отклоняться от их обыденных значений. Это, конечно, недостижимый идеал, но, в принципе, данное требование можно принять. Разумеется, если одно и то же слово употребляется в деловой практике в одном значении, а в научном анализе этой практики – в другом, то это порождает большую путаницу. Достаточно вспомнить трудности, связанные с разными значениями термина «капитал». Но одно дело – учитывать обыденное словоупотребление, вводя тот или иной термин, и совсем другое – считать обыденную речь высшей инстанцией в вопросе об определении науки. В последнем случае нас интересует именно предмет обобщений данной науки, и, только изучая эти обобщения, мы можем определить саму науку. Иной подход невозможен.

мер зарплата музыкантов оркестра, платятся за работу, не имеющую к материальному благосостоянию ни малейшего отношения. Однако оба вида труда получают цену и вступают в кругооборот обмена. Теория заработной платы применима и к тому, и к другому случаю. Ее выводы не ограничены видами заработной платы, вознаграждающими труд, который совершается ради «более материальных» аспектов благосостояния.

Аналогичная ситуация возникает, если мы от труда, за который заработная плата выплачивается, перейдем к предметам, на покупку которых она расходуется. Предположим, некто настаивает на том, что теория заработной платы удовлетворяет приведенному выше определению предмета экономической науки не потому, что предметы, производимые наемным работником, способствуют чужому материальному благосостоянию, а потому, что получаемая им плата увеличивает его собственное. Такая точка зрения также не выдерживает критики. Наемный работник может купить на свою заработную плату хлеб, а может – театральные билеты. Теория заработной платы, игнорирующая суммы, которые выплачиваются за «нематериальные» услуги или ради достижения «нематериальных целей», никуда не годится. Такая концепция разрывала бы замкнутый кругооборот обмена и не позволяла бы создать общую теорию этого процесса. При таком искусственно ограниченном предмете исследования было бы невозможно сформулировать сколько-нибудь существенные обобщающие выводы.

Невозможно себе представить, что какой-либо серьезный экономист попытался бы таким образом ограничить сферу действия теории заработной платы, даже если он и пробовал ограничить в этом духе предмет всей экономической науки. Однако мы были свидетелями попыток отрицать возможность приложения экономического анализа к поведению, направленному на достижение не материального благосостояния, а иных целей. Не кто иной, как профессор Кэннан, настаивал, что говорить о политической экономии войны бессмысленно по определению, поскольку экономическая наука исследует причины материального благосостояния, а война таковой не является (Cannan-1, p.49). Это заявление профессора Кэннана может быть оправдано как моральное суждение относительно возможного использования абстрактного знания на практике. Однако совершенно ясно, – и это показывает деятельность самого профессора Кэннана, – что, хотя экономическая наука не может быть использована для успешного ведения боевых действий, организаторы войны вряд ли могут вовсе без нее обойтись.

Парадоксально, что упомянутое высказывание профессора Кэннана содержится в его работе, которая в наибольшей степени во всей англоязычной литературе использует аппарат экономического анализа для исследования многих неотложных и запутанных проблем, возникших в обществе, перестроенном на военный лад.

Привычка некоторых современных английских экономистов связывать экономическую науку с исследованием причин материального благосостояния представляется еще более загадочной, если мы вспомним, с каким единодушием все они приняли «нематериальное» определение производительного труда. Как известно, Адам Смит различал производительный и непроизводительный труд, исходя из того, создавал ли данный вид труда осязаемый материальный объект.

«Труд некоторых самых уважаемых сословий общества, подобно труду домашних слуг, не производит никакой стоимости, и не закрепляется и не реализуется ни в каком длительно существующем предмете или товаре, могущем быть проданным, который продолжал бы существовать и по прекращении труда... Например, государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют собой непроизводительных работников... К одному и тому же классу должны быть отнесены как некоторые из самых серьезных и важных, так и некоторые из самых легкомысленных профессий – священники, юристы, врачи, писатели всякого рода, актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщицы и пр.» (Смит, с.244–245).

Современные экономисты, и в первую очередь профессор Кэннан (Cannan-3, p.49–51; Cannan-4, p.18–31), отвергли это толкование производительности⁵. Поскольку поскольку труд оперного певца или балетного танцовщика является объектом спроса, будь то частного или коллективного, он должен рассматриваться как «производительный». Но что же он производит? Может быть, материальное богатство, поскольку он доставляет удовольствие бизнесменам, которые вследствие этого с удвоенной энергией берутся за организацию производства материальных благ? Такой ответ отдает дилетантизмом и является не более чем бесплодной игрой словами. Он «производительный» потому, что он ценится, потому, что он обладает специфической ценностью для различных «экономических субъектов». Современная теория настолько отдалась от точки зрения Адама Смита и физиократов, что не признает производительным даже труд, создающий материальные объекты, если последние не имеют ценности. Более того, профессор Фишер, как и некоторые другие, убедительно показал, что доход, полученный от использования материального объекта, в конечном счете является «нематериальным». От пользования своим домом, точно так же как от пользования услугами лакея или оперного певца, я получаю доход, который «исчезает в момент производства» (Fisher-1, ch.VII).

Но если дело обстоит именно так, значит, описывать экономическую науку как исследование причин материального благосостояния просто неверно. Услуги балетного танцовщика составляют часть богатства, и экономическая наука исследует образование цен на них точно так же, как, например, на услуги повара. Каков бы ни был предмет экономической науки, она очевидно не занимается причинами материального благосостояния как таковыми.

То, что данное определение просуществовало до наших дней, объясняется, главным образом, историческими причинами. Это последний рудимент влияния физиократов. Английские экономисты обычно не интересуются вопросами предмета и метода. В девяти случаях из десяти они просто некритически переписывают определение предмета из более ранних работ. Но в случае с профессором Кэннаном дело обстоит иначе. Нам будет поучительно проследить за ходом рассуждений, заставивших человека столь острого и проницательного ума избрать именно это определение.

⁵ Возможно, они зашли при этом слишком далеко. Каковы бы ни были пороки Смитовой классификации, она играла в теории капитала важную роль, которую современные экономисты не всегда понимают (см.: Taussig, p.132–151).

Смысл любого определения заключается в его использовании.

Профессор Кэннан выводит свое определение из того, что является экономическим, а что – нет, и использует его в тесной связи с обсуждением «основных условий, определяющих богатство изолированного человека и общества»⁶. Это далеко не случайно. Можно утверждать, что, если мы подходим к определению экономического анализа именно в этом контексте, «материалистическое» определение кажется более правдоподобным, чем в других случаях. Это утверждение нуждается в более подробном обосновании.

Профессор Кэннан начинает с того, что рассматривает действия человека, полностью изолированного от общества, и задает вопрос, чем определяется его богатство, то есть материальное благосостояние. В таком контексте разделение всех действий на «экономические» и «неэкономические», то есть направленные на увеличение материального и нематериального благосостояния, имеет какой-то смысл. Копая картошку, Робинзон Крузо увеличивает свое материальное, или «экономическое», благосостояние; разговаривая с попугаем, он занимается «неэкономической» деятельностью. Здесь, правда, есть некоторая трудность, к которой мы должны будем вернуться впоследствии, но, во всяком случае, здесь это разделение хотя бы понятно.

Но предположим, что Крузо спасен, он вернулся домой и зарабатывает на жизнь, разговаривая с попугаем на потеху публике. Очевидно, что уже здесь эти разговоры имеют экономический аспект. Независимо от того, расходует ли Крузо заработанные деньги на покупку картошки или на занятия философией, его доходы и расходы могут быть выражены с помощью основных экономических категорий.

Профессор Кэннан не задается вопросом, насколько полезно его разграничение для анализа экономики, основанной на обмене, хотя именно в этой области экономические обобщения имеют наибольшую практическую ценность. Вместо этого он переходит к рассмотрению «фундаментальных условий богатства» общества в целом, независимо от того, построено ли оно на базе частной собственности и свободного обмена или нет. Здесь его определение также имеет смысл: совокупность действий членов общества можно разделить согласно его классификации. Одни действия направлены на достижение материального благосостояния, другие – нет. Представим себе, например, управляющего в коммунистическом обществе, который решает, сколько рабочего времени надо затратить на производство хлеба, а сколько – на устройство цирковых представлений.

Но даже в этом случае, как и в упомянутой ранее экономике Робинзона Крузо, рассуждения профессора Кэннана допускают возражение, которое на поверку оказывается решающим. Будем использовать термины «экономический» и «неэкономический» в том смысле, какой им придает профессор Кэннан, то есть «ведущий к материальному благосостоянию» и «ведущий к нематериальному благосостоянию». Далее предположим, что общество бывает тем богаче, чем больше времени оно посвящает достижению материальных целей (и соответственно чем меньше оно тратит на цели нематериальные). Но даже в этом случае

⁶ Так называется глава II «Богатства» Кэннана в 1-м издании (Cannan-5).

мы должны признать (употребляя слово «экономический» в его самом обычном смысле), что существует экономическая проблема выбора между этими двумя видами деятельности – проблема распределения ограниченного ресурса (в сутках только двадцать четыре часа). Иными словами, существует экономическая проблема выбора между «экономическим» и «неэкономическим». Таким образом, оказывается, что одна из основных проблем теории производства наполовину находится за пределами определения профессора Кэннана!

Не является ли это само по себе достаточным аргументом, чтобы от него отказаться?⁷

3. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ ЧЕРЕЗ «РЕДКОСТЬ»

Но где искать более подходящее определение? Надо сказать, что положение вовсе не безнадежно. Критический анализ «материалистического» определения сам подвел нас к определению, которое будет свободно от всех этих недостатков.

Давайте вернемся к простейшему случаю, в котором мы обнаружили неадекватность данного определения, – к изолированному человеку, делящему свое время между производством реального дохода и отдыхом. Мы только что установили, что такое разделение имеет экономический аспект. Но в чем именно он заключается?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо определить условия, при которых данное разделение является необходимым. Их четыре. Во-первых, изолированному человеку нужен и реальный доход, и отдых. Во-вторых, и того, и другого у него недостаточно, чтобы удовлетворить соответствующие потребности полностью. В-третьих, у него есть возможность потратить свое время и на увеличение реального дохода, и на дополнительный отдых. В-четвертых, можно предположить, что в подавляющем большинстве случаев его потребность в различных компонентах реального дохода и отдыха будет различной. Поэтому ему придется выбирать, «экономить». Распределение его времени и ресурсов зависит от его системы потребностей. Оно имеет экономический аспект.

Это типичный пример экономической проблемы. С точки зрения экономиста, условия человеческого существования характеризуются следующими четырьмя фундаментальными положениями: человек стремится к различным целям; время и средства, находящиеся в его распоряжении, ограничены; они могут быть направлены на достижение альтернативных целей; в каждый момент времени разные цели обладают различной важностью. Да, мы таковы – существа, наделенные ощущениями, желаниями и притязаниями, массой инстинктивных стремле-

⁷ Есть и другие противоречия, связанные с этим определением. С философской точки зрения термин «материальное благосостояние» звучит очень странно. «Материальные причины благосостояния» – это понятно. Но говоря о «материальном благосостоянии», мы пытаемся разделить на отдельные элементы, в сущности, неделимые состояния души. Однако для целей данной главы нам лучше сосредоточиться на главном вопросе: может ли данное определение действительно описать то, что мы хотим определить?

ний, побуждающих нас к действию. Но время для действий ограничено. Внешний мир не предоставляет нам возможностей для достижения всех наших целей. Жизнь коротка, а природа скупа. Цели других людей не совпадают с нашими. Но мы можем употребить свою жизнь на то, чтобы заниматься разными делами, используя имеющиеся ресурсы и услуги других людей для того, чтобы добиваться различных целей.

Сама по себе множественность целей не представляет интереса для экономиста. Если я хочу достичь двух целей, обладаю для этого достаточным временем и достаточными средствами и не нуждаюсь во времени и средствах для каких-то других надобностей, то мое поведение не принимает тех форм, которые относятся к предмету экономической науки. Нирвана – вовсе не обязательно сплошное блаженство. Это просто полное удовлетворение всех потребностей.

Сама по себе ограниченность ресурсов также не составляет достаточного признака экономических явлений. Если средства ограничены, но не имеют альтернативного использования, их нельзя «экономить». Падающая с небес манна была редким благом, но, поскольку обменять ее на что-либо или отложить ее потребление⁸ было невозможно, она не являлась объектом какой-либо деятельности, имеющей экономический аспект.

Но и наличие альтернативных возможностей использования редких ресурсов также не представляет собой достаточного условия существования явлений, которые мы здесь изучаем. Если у субъекта есть две цели и одно средство для их достижения, причём обе цели одинаково важны, он уподобится ослу из басни, бесконечно выбирающему между двумя равно привлекательными охапками сена⁹.

Но если время и средства для достижения целей ограничены и допускают альтернативное использование, а цели можно расположить по степени важности, то поведение неизбежно принимает форму выбора. Каждое действие, предполагающее затрату времени и редких ресурсов для достижения какой-либо цели, подразумевает, тем самым, что они не будут использованы для достижения другой цели. Такое действие имеет экономический аспект (Schonfeld, p.1; Mayer, p.123)¹⁰. Если я хочу есть и спать, но в данный момент не могу полностью удовлетворить обе свои потребности, значит, часть их так и должна остаться неудовлетворенной. Если на протяжении своей жизни я хочу стать и философом, и математиком, но моя скорость усвоения знаний для этого недостаточна, значит, мое желание останется частично неисполненным.

Не все средства достижения человеческих целей ограничены. Некоторые предметы внешнего мира встречаются в таком изобилии, что

⁸ Это, пожалуй, стоит подчеркнуть особо. Достижение одной и той же цели с помощью одних и тех же средств, но в разные моменты времени представляет собой различные способы использования этих средств. Если не отдавать себе в этом отчет, можно проглядеть один из важнейших типов экономических действий.

⁹ Эта оговорка кажется здесь излишней, и в первом издании этого эссе я опустил ее. Однако существование иерархии целей имеет настолько большое значение в теории ценности, что лучше ввести это условие уже на данной стадии исследования.

¹⁰ Следует помнить, что редким является не «время» само по себе, а наша собственная возможность действовать. Редкость времени – это всего лишь метафора.

использование их не требует отказа от других благ. Одно из таких «свободных» благ – это воздух, которым мы дышим. Кроме некоторых исключительных случаев, то, что мы нуждаемся в воздухе, не требует от нас затрат времени или других ресурсов. Наша потребность в одном кубическом футе воздуха не предполагает, что мы должны отказаться от какой-то другой альтернативы. Владение или невладение единицами блага под названием «воздух» не влияют на наше поведение. В принципе можно себе представить таких живых существ, «цели» которых настолько ограничены, что все блага являются для них «свободными» и не влияют на их поведение.

Но, как правило, человеческая деятельность, направленная на достижение многих целей, не обладает такой независимостью от времени или специфических ресурсов. Время в нашем распоряжении всегда ограничено: в сутках только двадцать четыре часа. Мы должны выбирать, на что их следует потратить. Точно так же ограничены услуги, которые нам предоставляют другие люди, и материальные средства для достижения наших целей. Нас изгнали из рая, мы лишены вечной жизни и неограниченных благ. Если мы что-то выбираем, мы вынуждены отказываться от других вещей, от которых в иных обстоятельствах мы бы не отказались. Редкость средств, предназначенных для удовлетворения целей разной значимости, – это почти универсальное свойство среды, в которой совершается человеческая деятельность¹¹.

Именно формы, которые принимает человеческое поведение, когда необходимо распорядиться редкими ресурсами, составляют единый предмет экономической науки. Примеры, которые мы приводили выше, точно соответствуют этому определению. И услуги повара, и услуги балетного танцовщика ограничены относительно спроса на них, и могут употребляться различным образом. Наше определение охватывает и всю теорию заработной платы, и политическую экономию войн. Ведение успешной войны требует изъятия редких благ и услуг из других, невоенных областей применения, следовательно, оно имеет экономический аспект. Экономист изучает способы распоряжения редкими ресурсами. Ему интересно то, как из различной степени редкости благ вытекает ценностное соотношение между ними. Ему интересно, как на это соотношение влияет изменение степени редкости, вызванное изменением либо целей, либо средств, то есть либо спроса, либо предложения.

Экономическая наука – это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление. (ср.: Menger, S.51–70; Mises, p.98ff; Fetter, ch.I; Strigl; Mayer).

¹¹ Следует отметить, что наше понятие цели как конечного пункта определенной линии поведения, акта конечного потребления, не противоречит тому тезису, что всякая деятельность имеет единственную цель – максимизацию удовлетворения, «полезности» и т.д. Наши «цели» надо рассматривать как шаги к достижению этой конечной цели. Если средства ограничены, все цели не могут быть достигнуты: от некоторых из них, учитывая степень редкости средств и сравнительную важность самих целей, придется отказаться.

4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И ЭКОНОМИКА, ОСНОВАННАЯ НА ОБМЕНЕ

Сразу же отметим некоторые важные следствия, которые вытекают из нашего определения. Отвергнутое нами определение экономической науки как исследования причин материального благосостояния можно назвать «классификационным». Оно выделяет некоторые виды человеческого поведения и определяет их как предмет экономической науки. Соответственно другие виды поведения лежат за его пределами.

Наше определение можно назвать «аналитическим». Мы не пытаемся выбрать отдельные виды поведения, но сосредотачиваем внимание на определенном аспекте поведения, возникающем под влиянием редкости¹². Отсюда следует, что любой вид человеческого поведения в той мере, в какой в нем присутствует этот аспект, является предметом обобщений экономической науки. Мы не утверждаем, что производство картофеля – это экономическая деятельность, а производство философских идей – неэкономическая. Мы говорим о том, что и тот и другой вид деятельности, поскольку он связан с необходимостью отвергнуть другие заманчивые альтернативы, имеет экономический аспект. Никаких иных ограничений предмета экономической науки не существует.

Но некоторые авторы, отвергающие определение экономической науки как науки о материальном благосостоянии, пытались наложить на ее предмет ограничения иного рода. Они настаивали на том, что экономическая наука изучает определенный тип социального поведения, обусловленный институтами индивидуалистической рыночной экономики. С этой точки зрения, любой вид поведения, не являющийся социальным в этом специфическом смысле, не относится к предмету экономической науки. Особенно энергично развивал эту концепцию профессор Амонн¹³.

Теперь мы можем признать, что в рамках нашего весьма широкого определения экономисты уделяют главное внимание именно проблемам рыночной экономики. Почему? Ответ на этот вопрос представляет немалый интерес.

Изолированный человек подвержен в своей деятельности тем же описанным нами ограничениям, что и рыночная экономика. Но изолированный человек не испытывает нужды в экономическом анализе. Судите сами. Изучение поведения Крузо может нам помочь при исследовании более сложных вопросов. Но для самого Крузо проблема эта, очевидно, является «запредельной». То же самое относится и к «закрытому» коммунистическому обществу. С точки зрения исследователя,

¹² О различии между аналитическими и классификационными определениями см.: Fisher-2, p.213. Интересно отметить, что предлагаемый профессором Фишером пересмотр определения капитала аналогичен нашему пересмотру определения экономической науки. Адам Смит определял капитал как один из видов богатства. Профессор Фишер рассматривает его как один из аспектов богатства.

¹³ Особенно важна в этой связи его критика взглядов Шумпетера и Штригла (Amonn, S.110–125, 155–156). Отдавая должное глубокому анализу профессора Амонна, не могу, однако, избавиться от впечатления, что он склонен преувеличивать свои расхождения с этими двумя авторами.

сравнение экономики такого рода общества с рыночной экономикой чрезвычайно полезно. Но для людей, управляющих коммунистическим обществом, обобщения экономической науки просто неинтересны. Они находятся в том же положении, что и Крузо. Для них экономическая проблема состоит только в том, в какой области применить имеющиеся производительные возможности. Но, как подчеркивал профессор Мизес, при централизации собственности и контроля над средствами производства, механизм цен и издержек по определению не реагирует на индивидуальные предпочтения. Следовательно, решения управляющего здесь непременно будут «произвольными» (Mises, p.94–138)¹⁴. Это означает, что они будут основаны на предпочтениях самого управляющего, а не производителей и потребителей. Это сразу же упрощает процедуру выбора. Если система цен не играет главенствующей роли, организация производства всецело зависит от предпочтений верховного организатора, так же как организация патриархального хозяйства, не включенного в денежную экономику, зависит от предпочтений главы патриархальной семьи.

В рыночной же экономике ситуация намного сложнее. Последствия индивидуальных решений здесь сказываются не только на самом индивиде. Каждый человек может до конца рассчитать, какие последствия будет иметь его решение потратить деньги так, а не иначе. Но во все не так просто проследить, какое влияние окажет это решение на весь комплекс «отношений редкости»: на размеры заработной платы, прибыли, цены, нормы капитализации и на организацию производства. Для того чтобы охватить все эти последствия и сформулировать соответствующие обобщения, требуется величайшее напряжение абстрактного мышления. Поэтому экономический анализ наиболее полезен в рыночной экономике. В изолированном хозяйстве в нем нет никакой нужды. В строго коммунистическом обществе сфера его действия ограничена лишь простейшими обобщениями. Там же, где индивиду позволено проявлять в своих общественных отношениях независимость и инициативу, экономический анализ обретает твердую почву.

Но одно дело – признать, что экономический анализ наиболее интересен и полезен в рыночной экономике, и совсем другое – ограничить его предмет этим кругом явлений. Неправомерность этого последнего подхода можно убедительно доказать следующими двумя аргументами. Во-первых, очевидно, что поведение людей как в пределах, так и за пределами рыночной экономики обусловлено одним и тем же ограничением средств относительно целей и может быть описано в одних и тех же основных категориях (Strigl, S.23–28). Обобщения, содержащиеся в теории ценности, применимы к поведению изолированного человека или управляющего органа коммунистического общества, точно так же как и к поведению участника рыночной экономики, хотя объясняющая сила их в первых двух случаях не настолько велика, как в третьем. Рыночные отношения – это наиболее интересный, но все же частный случай основополагающего феномена редкости.

¹⁴ В работе «Планирование хозяйства в Советской России» профессор Борис Бруцкус хорошо показал, к каким трудностям это приводило на различных стадиях русского эксперимента.

Во-вторых, ясно, что явления рыночной экономики могут быть объяснены, только если мы заглянем за эти отношения и обратимся к тем законам выбора, которые лучше всего наблюдать в поведении изолированного индивида¹⁵.

Профессор Амонн, кажется, признает, что такая «чистая» экономическая теория может быть полезным дополнением к экономической науке, однако он отказывается считать ее основой последней, заявляя, что предметом экономической науки должны быть проблемы, исследованные Рикардо. Точка зрения, согласно которой определение науки должно отражать ее действительное состояние, а не ставить ей произвольные границы, заслуживает уважения. Но мы вправе задать вопрос: почему последним словом следует считать именно работы Рикардо? Неужели не ясно, что несовершенства рикардианской системы объясняются именно тем, что она остановилась на рыночных оценках и не проникла вглубь – к индивидуальным оценкам? Этот барьер смогли преодолеть только новейшие теории ценности¹⁶.

5. СОПОСТАВЛЕНИЕ «МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО» ОПРЕДЕЛЕНИЯ И «ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ РЕДКОСТЬ»

Теперь мы вернемся к отвергнутому нами определению и сопоставим его с тем, которое мы избрали. На первый взгляд, расхождения между ними не так уж велики. Одно из них относит к предмету экономической науки человеческое поведение, движимое сопоставлением целей и средств, другое – причины материального благосостояния. Редкость ресурсов и причины материального благосостояния – разве речь не идет приблизительно об одном и том же?

Однако такое суждение основано на недопонимании. Конечно, редкость материальных благ – это одно из ограничений поведения. Но в

¹⁵ Возражения профессора Касселя против «экономики Робинзона Крузо» (Cassel, p.27) представляются мне неудачными. Тот отмеченный нами факт, что любая экономическая деятельность существует лишь там, где редкие ресурсы можно употребить различными альтернативными способами, наиболее очевиден именно применительно к изолированному человеку. В любом обществе сама множественность экономических субъектов мешает заметить, что могут существовать редкие блага, не имеющие альтернативных способов использования.

¹⁶ Наши возражения по поводу определения профессора Амонна делают излишним отдельный критический разбор тех определений, которые включают в предмет экономической науки явления, рассматриваемые с точки зрения цены (Дэвенпорт), сводимые к «денежному измерителю» (Пигу), или характеризуют ее как «науку об обмене» (Лэндри и др.). Профессор Шумпетер с непревзойденной тонкостью попытался отстоять последнее из этих определений, доказывая, что все фундаментальные аспекты поведения, которые рассматривает экономическая наука, имеют форму обмена (Schumpeter-2). Это, конечно, правильно, и понимание этой истины необходимо, чтобы правильно истолковать теорию равновесия. Но одно дело – пользоваться понятием обмена как теоретической конструкцией, и совсем другое дело – использовать эту конструкцию в качестве критерия. Конечно, последнее тоже возможно, но я сомневаюсь, что этот подход наилучшим образом раскрывает суть предмета нашей науки.

наше время и услуги других лиц тоже ограничены. Свой экономический аспект имеют и услуги школьного учителя, и услуги ассенизатора. Конечно, можно «растянуть» материалистическое определение так, чтобы оно покрыло все эти явления, например, определив услуги как материальные вибрации или как-нибудь еще в этом духе. Но этот прием не только будет искусственным, но и направит нас по ложному пути. В такой модификации определение может покрыть всю область исследования экономической науки, но не сможет дать ей адекватного описания. Дело в том, что даже материальные средства удовлетворения наших потребностей делает экономическими благами не их «материальность», а их оценка людьми. Их отношение к имеющейся системе потребностей важнее, чем субстанция, из которой они состоят. Поэтому «материалистическое» определение дает не сказать чтобы ложное, но безусловно искаженное представление об экономической науке, какой мы ее знаем. Представляется, что не существует никаких здравых аргументов за то, чтобы его сохранить.

В то же время необходимо напомнить, что мы отвергаем всего лишь определение. Мы не отбрасываем той системы знаний, которую это определение пыталось описать. На практике все исследования тех, кто признавал «материалистическое» определение, прекрасно укладывается в альтернативное определение, предложенное нами. К примеру, во всей теоретической системе профессора Кэннана нет ни одного важного вывода, который был бы несовместим с определением предмета экономической науки как распоряжения редкими ресурсами.

Более того, сам пример, который приводит профессор Кэннан, отстаивая свое определение, гораздо больше подходит к нашему. Он пишет: «Экономисты согласятся с тем, что вопрос «написал ли Бэкон пьесы Шекспира?» – не экономический вопрос, и что удовольствие, которое получают сторонники авторства Бэкона, если их мнение получит всеобщую поддержку, – не экономическое удовольствие... С другой стороны, они признают, что этот спор приобрел бы экономический аспект, если бы авторские права были бессрочными, и потомки Бэкона и Шекспира спорили бы о праве собственности на пьесы» (Cannan-5, ch.I). Это верно. Но почему? Неужели потому, что собственность на авторские права затрагивает материальное благосостояние? Но ведь доходы могут быть розданы миссионерам! Безусловно, и этот вопрос имеет экономический аспект только потому, что закон об авторском праве сделал бы право на постановку этих пьес относительно редким благом и предоставил бы собственникам авторских прав контроль за использованием редких средств, которые иначе были бы распределены по-другому.

ЛИТЕРАТУРА

- Вебер М.** Объективность социально-научного и социально-политического познания. В: Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990, с.345–415.
- Маршалл А.** Принципы политической экономии. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983, т.1.
- Пигу А.С.** Экономическая теория благосостояния. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1985, т.1.
- Смит А.** Исследование о природе и причинах богатства народов. Пер. с англ. М.: Соцэгиз, 1962.

- Amonn A.** Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie. 2. Aufl.
- Beveridge W.** Economics as a Liberal Education // *Economica*, vol.1.
- Cannan E.**-1. An Economist's Protest.
- Cannan E.**-2. Elementary Political Economy.
- Cannan E.**-3. Review of Economic Theory.
- Cannan E.**-4. Theories of Production and Distribution.
- Cannan E.**-5. Wealth.
- Cassel G.** Fundamental Thoughts.
- Clark J.B.**-1. Essentials of Economic Theory.
- Clark J.B.**-2. Philosophy of Wealth.
- Davenport H.** Economics of Enterprise.
- Fetter F.** Economic Principles.
- Fisher I.**-1. The Nature of Capital and Income.
- Fisher I.**-2. Senses of Capital // *Economic Journal*, vol.7.
- Mayer H.** Untersuchungen zu dem Grundgesetze der wirtschaftlichen Wertrechnung // *Zeitschrift für Volkswirtschaft und Sozialpolitik*, Bd.2.
- Menger C.** Grundsätze der Volkswirtschaftslehre.
- Mill J.S.** Unsettled Questions of Political Economy.
- Mises L., von.** Die Gemeinwirtschaft.
- Pareto V.** Cours d'Economie Politique.
- Schonfeld L.** Grenznutzen und Wirtschaftsrechnung.
- Schumpeter J.A.**-1. Epochen der Methoden- und Dogmengeschichte.
- Schumpeter J.A.**-2. Wesen und Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie.
- Strigl R.** Die ökonomischen Kategorien und die Organisation der Wirtschaft.
- Taussig F.** Wages and capital.